

А. Смирнов

О "Слове о полку Игореве"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А. Смирнов**
О "Слове о полку Игореве" / А. Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 444 с.

ISBN 978-5-4241-1118-1

Издание 1877 года.

ISBN 978-5-4241-1118-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Слово о Полку Игоревѣ сдѣлалось извѣстно ученому міру только съ 1795 г., когда оно было приобрѣтено въ собственность графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. До этого времени единственная рукопись его находилась въ рукахъ людей или не понимавшихъ важности его, какъ драгоценнаго памятника русской литературы XII в., или же и понимавшихъ, но не охотниковъ дѣлиться своими сокровищами съ другими, какимъ былъ напр. владѣлецъ Іоакимовской лѣтописи (Уч. Зап. 2. От. Ак. Наукъ, кн. 2. в. 1. стр. 94—95.). Последнимъ такимъ владѣльцемъ рукописи Слова былъ архимандритъ Іоиль. О немъ, а также и о приобрѣтеніи отъ него рукописи Слова гр. Мусинъ-Пушкинъ въ концѣ 1813 г. рассказывалъ слѣдующее: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ на общаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комисіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной подъ № 323, подъ названіемъ хронографъ, въ концѣ найдено Слово о Пол. Иг.^а (Зап. и тр. Общ. ист. и др. Рос. при Моск. Ун. ч. II, 1824, стр. 36.)

Такимъ образомъ съ 1795 г. рукопись Слова изъ Ярославля была взята и поступила въ собраніе рукописей Мусина-Пушкина. Въ новомъ хранилищѣ она сдѣлалась доступною для занимающихся русскими древностями, что видно изъ слѣдующаго свидѣтельства Калайдовича: изъ сего древностей и рѣдкостей собранія (библіотеки М.-Пушкина) всѣ справки, относящіяся къ отечественной исторіи, Великая Екатерина требовала, а г.г. Болтинъ, Елагинъ, исторіографъ Карамзинъ и члены Общества исторіи и древностей Россійскихъ невозбранно онымъ пользовались (Зап. и тр. Общ. Ист. и др. Р. при Моск. Ун. 1824 г. кн. II. стр. 18). Екатерина, кромѣ лѣтописей и бумагъ, при-

надлежавших М.-Пушкину, дѣйствительно, одна изъ первыхъ между образованными русскими людьми была заинтересована Словомъ. Свидѣтельствомъ этого служить списокъ Слова, найденный въ ся бумагахъ. Этотъ списокъ былъ читанъ и притомъ со вниманіемъ, какъ доказываютъ сдѣланные въ немъ карандашомъ отиѣтки противъ нѣкоторыхъ выраженій (Екатер. спис., Пекарскаго, 1864 г. стр. 6-я).

Первое извѣстіе о Словѣ сообщено было свѣту Карамзинымъ (Гербель, Повз. Сл. стр. 4) въ 1797 г. въ Октябр. кн. Гамбургск. журнала *Spectateur du Nord* (р. 53 et set.). Въ этомъ извѣстіи объ открытіи былъ высказанъ и взглядъ на Слово тогдашнихъ нашихъ ученыхъ. Онъ по запискамъ Калайдовича былъ слѣдующій: Вы, можетъ быть, удивитесь болѣе, если узнаете, что два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: Пѣснь Игоревыхъ воиновъ, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами и которая написана въ XII столѣтіи. Слогъ исполненный силы, чувства высочайшаго героизма; разительныя изображенія, по черпнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинство сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: увы, чувствую, что кисть моя слаба; я не имѣю дара великаго Бояна, сего сословья временъ прошедшихъ; слѣд., въ Россіи и до него были великіе поэты, которыхъ творенія поглощены вѣками. Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Боянѣ, мы не знаемъ, когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почитеніе, воздаваемое его дарованіямъ такимъ поэтомъ, заставляетъ чувствительно сожалѣть о потерѣ его твореній (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г ч. 2. стр. 38).

Въ первые пять лѣтъ послѣ открытія, между тогдашними учеными шли толки о Словѣ. Одни были увѣрены въ подлинности Слова, другіе сомнѣвались. Во главѣ послѣднихъ стоялъ извѣстный Шлецеръ. Онъ сомнѣвался въ

подлинности Слова на томъ основаніи, что не зналъ, къ какому вѣку отнести языкъ пѣсни, находя въ ономъ большое отличіе языка библейскаго и лѣтописей (Зап. и тр. Общ. Ист. и др. 1824 г. ч. II стр. 39). Самъ новый владѣтель рукописи въ это время много потрудился надъ ней. Онъ впослѣдствіи рассказывалъ объ этомъ слѣдующее: „Во время службы моей въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оныя пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ конхъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было ее раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я, не бывъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь нче всего, чтобы не сдѣлать ошибки подобной кн. Щербатову, который, разбирая Грамоту Новгородцевъ къ Ярославу, напечаталъ въ оной между прочимъ: почто отъялъ еси поле Заячь и Миловцы? (вмѣсто заячьими ловцы). По переездѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ я у А. Ѳ. Малиновскаго къ удивленію моему переводъ мой въ очень неисправной перепискѣ и по убѣдительному совѣту его и друга моего Н. Н. Бантышъ-Каменскаго рѣшился обще съ ними свѣрить переложеніе съ подлинникомъ и, исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдать въ печать.“ (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г. кн. II, стр. 37.)

Первое изданіе Слова печаталось въ Москвѣ въ 1800 г. и печаталось съ большимъ стараніемъ. Типографщикъ С. А. Селивановскій рассказывалъ Калейдовичу объ этомъ: корректуру держали Малиновскій и Б.-Каменскій, а третью уже читалъ Мусинъ-Пушкинъ. Они дѣлали частныя поправки въ корректуру, съ точностью издавая подлинникъ,

отчего печатаніе шло медленно (Сынъ От. 1839 г. т. 8, смѣсь, стр. 17). Точность изданія рукописи засвидѣтельствована и такимъ знатокомъ старорусской литературы, какъ Карамзинъ. Въ запискахъ Тимковского, отъ 21-го окт. 1814 г., писанныхъ рукою самого Тимковского, подъ рубр. 3 читаемъ: „Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ сличенію (рукописи съ печатнымъ изданіемъ) оказалось, что пѣснь со всею точностію напечатана противъ подлинника, выключая словъ—вѣчи Трояни вм. подл. „сѣчи.“ „Касательно же поставленнаго въ скобкахъ слова Олегъ (увѣрялъ), то это учинено для большей ясности рѣчи“ (Сынъ От. 1839 г. т. 8 см. стр. 20). Выше, въ запискахъ Тимковского рукою Калайдовича написано: „Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникѣ вмѣсто вѣчи Трояни въ двухъ мѣстахъ было написано „сѣчи Трояни“ (тамъ же, Сынъ От. 1839 г. Калайдовичъ въ своихъ запискахъ прибавляетъ еще къ этому: „Онъ (Карамзинъ) тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собою буквы в и с были принимаемы противно (Лѣт. р. л. кн. 6. стр. 90).*)

Печатное изданіе Слова вышло съ предисловіемъ, примѣчаніями, переводомъ на новый языкъ и съ родословною князей, упоминаемыхъ въ Словѣ. Въ предисловіи Мусия-Пушкинъ повторилъ мысль Карамзина о сходствѣ Слова по духу съ Оссіаномъ. Подъ текстомъ напечатано нѣсколько историческихъ примѣчаній, которыя, по свидѣтельству Сахарова, основанному на преданіи, писалъ извѣстный Болтинъ (Сахаровъ, Пѣсни Рус. народа, ч. 5, стр. 178), трудившійся также и надъ переложеніемъ, какъ засвидѣтельствовалъ Шишковъ (см. Полное собр. соч. Шишкова ч. XI, стр. 384). Большая часть примѣчаній составлена на основаніи исторіи Татищева. Филологичес-

*) Сюда, вѣроятно, относятся: повесть я (стр. 16), которое Карамзинъ читалъ посѣвъ я, съ ты плькы (стр. 17) вм. въ ты шлькы.

скихъ примѣчаній не много, но и тѣ мало имѣють цѣны. Что касается перевода, то, не смотря на все усердіе М. Пушкина, онъ вышелъ неудовлетворителенъ и для того времени.

О вѣкъ рукописи первые издатели выразились въ общихъ словахъ: „подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя“ (VII стр.). Но послѣ гибели подлинной рукописи М. Пушкинъ писалъ Калайдовичу: „по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. (Зап. и тр. Общ. Ист. и древ. 1824 г. Сынъ Отеч. 1839 г. т. 8, стр. 16.). Вѣроятно, это не личное мнѣніе М.-Пушкина, а общее мнѣніе первыхъ издателей—Малиновскаго и Бантишъ-Каменскаго.*) Малиновскій, не смотря на всѣ разысканія Калайдовича (который на основаніи свидѣтельства Селивановскаго сталъ относить рукопись къ XVI в.), до конца своей жизни не могъ отказаться отъ своего мнѣнія, что рукопись именно конца 14 в. Дубенскій въ своемъ изданіи замѣчаетъ: „я имѣлъ счастье быть у перваго редактора Слова (Малиновскаго), не задолго до его смерти; онъ съ чувствомъ истиннаго уваженія говорилъ объ этомъ твореніи, горько жаловался на критиковъ и заявлялъ выставить XIV-й в. рукописи (Дуб. предисл. прим. къ 8 стр.).

Изданіе Слова Мусинимъ-Пушкинымъ на время прекратило толки о поддѣлкѣ Слова. Глава этихъ толковъ Шлецеръ, прочитавши его въ печатномъ изданіи, признался, при изданіи Нестора на Нѣм. языкѣ въ 1802 г., что

*) Малиновскій самъ занимался разборомъ Слова: у него М. Пушкинъ нашелъ въ 1800 г. свой переводъ въ неисправленномъ видѣ (Зап. и тр. Общ. ист. и др. 1824 г. кн. II, стр. 37). Онъ впоследствии старался отыскать другой списокъ Слова (Строевъ. Крат. Обзор. Мнѣоз. Слав. стр. 10—11) и отъ него дошли до насъ записки, въ которыхъ говорится о Словѣ. Въ настоящее время онъ находится въ рукахъ Барсова, который на основаніи ихъ старается опредѣлить, какой форматъ носила рукопись, сколько было страницъ, и на основаніи этого протолковать нѣкоторыя непонятныя мѣста. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ изданія этихъ записокъ.

„это твореніе въ пѣтической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь я болѣе не сомнѣваюсь“ (Нест. Шлец. т. 1 стр. 384. 1809 г.).

Перваго изданія напечатано 1200 экз., и хотя большая часть ихъ погибла въ пожаръ 1812 г., „сожжена въ Москвѣ съ домомъ моимъ отъ злодѣя,“ какъ писалъ въ послѣдствіи М. Пушкинъ (С. От. 1839, стр. 16), однако оно довольно распространилось и стало занимать многихъ. Скоро стали появляться новыя переводы и изданія. Такъ въ 1803 г. вышелъ въ Петербургѣ стихотворный переводъ Стрякова: „Походъ Игоря противу Половцевъ.“ Этотъ переводъ въ тонѣ народныхъ пѣсенъ былъ довольно хорошъ для своего времени. Въ томъ же 1803 г. вышелъ въ Ригѣ переводъ на Нѣмецкій языкъ, напечатанный Н. Рихтеромъ въ *Nordische Miscellen*.*)

Въ 1805 году Шишковъ перепечаталъ 1-е изданіе Слова въ 1-й ч. сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею (8 кн. стр. 23—234.); къ этому изданію онъ приложилъ свои примѣчанія и переводъ. Это же самое изданіе Шишкова перепечатано было въ его полномъ собраніи сочиненій и переводовъ въ 1826 г. въ VII ч. (цитат. по 2 изд.)

а). Поводомъ къ изданію Слова было недовольство Шишкова первымъ изданіемъ и переводомъ: „спѣрая преложеніе сіе (Мусина-Пушкина) съ подлинникомъ, нахожу я, говорить онъ, что оное не можетъ удовольствовать читателя, любопытствующаго выискнуть во всю красоту слога и разобратъ каждую мысль сего только древняго творенія. А нѣ кажется, не столько переложеніе сей пѣсни полезно, сколь-

*) Переводы на иностранныя языки продолжались и послѣ. На Чѣмекій языкъ Слово было переведено еще пять разъ: 1. Юнг-лапомъ въ 1810 г. 2. Мюллеромъ въ 1811 г. въ Прагѣ; 3. Ганкой въ 1821 г. въ Прагѣ; 4. Зедервольфомъ въ 1825 г. въ Москвѣ и 5. Болытцемъ въ 1854 г. въ Берлинѣ. На Французскій языкъ Флавиаромъ въ 1823 г. въ Москвѣ и Экштейномъ въ журналѣ *Le Catholique*. На Венгерскій—Ридлемъ Сенде въ 1858 г.

ко основанное на вѣроятныхъ догадкахъ истолкованіе сомнительныхъ или темныхъ мѣстъ ея. также и разсмотрѣніе многихъ заключающихся въ ней прекрасныхъ мыслей, словъ и выраженій“ (стр. 37—38). Поэтому примѣчанія Шяпкова двойкаго рода: одни объясняютъ темныя мѣста, другія показываютъ прекрасныя мысли и выраженія.

Неудачный по многихъ мѣстахъ переводъ Муслина-Пушкина далъ обильную пищу критикѣ Шяпкова. Въ его примѣчаніяхъ больше полемики, чѣмъ разъясненій текста Слова. Не смотря на это, его примѣчанія составляютъ шагъ впередъ. Нѣкоторыя изъ объясненій его довольно удачны, какъ напр. были (89), хотя (70); инныя натолкнули другихъ на болѣе вѣрныя разъясненія, напр. ц в ѣ л и т ь (45-46). Поправки самаго текста Слова у него все неудачны, но онъ самъ не придавалъ имъ несомнѣнности, постоянно оговариваясь: „кажется, вѣроятно,“ и не вносилъ ихъ въ текстъ. Все-таки они были первыми поправками и положили собою начало всѣмъ послѣдующимъ поправкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя оказываются теперь не только удачными, но и необходимыми. Примѣчанія, въ которыхъ онъ толкуетъ прекрасныя мысли и выраженія, назывались тогда эстетическими. Слѣдующія два мѣста могутъ дать полное понятіе о всѣхъ примѣчаніяхъ въ этомъ родѣ.

1., Б о я н ь-б о в ѣ щ и й—и далѣе... Примѣтимъ, во 1-хъ, богатство сей мысли, когда Боянъ воспѣвать кого хотѣлъ, растекался мыслию по деревьямъ по лѣсамъ, носился воображеніемъ по землѣ, какъ рыщущій за снѣдію сѣрый волкъ, парилъ подъ облаками, какъ сизый орелъ, вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ, чѣмъ бы наполнить умъ свой и обогатить воображеніе, дабы потомъ, взявъ лиру, возгласить на ней пѣснь громкую. Какой великолѣпный приступъ! Во 2-хъ, примѣтимъ силу и знаменованіе слѣдующихъ выраженій: 1, растекался мыслию по деревьямъ, по землѣ, подъ облаками.. Какъ знаменателенъ здѣсь глаголъ растекался! Не видимъ ли мы выходящую изъ головы

Бояна рѣку мыслей, растекающуюся по всему пространству міра? 2, Боянъ-бо въ щій... чѣмъ замѣнимъ мы нынѣ частицу бо и прилагательное въ щій? Союзъ и бо дѣлаетъ слогъ повѣтствовательнымъ, простымъ; напротивъ того частица бо дѣлаетъ его стихотворческимъ, высокопарнымъ. Слово мудрый можетъ приличествовать всякому разумному человѣку; напротивъ того въ щій не иначе можетъ приличествовать какъ человѣку свѣдущему въ вѣщаніяхъ, т. е. имѣющему превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ; такъ подъ словомъ — въ щій Боянъ — я тотчасъ понимаю, что онъ былъ искусный вѣщатель, стихотворецъ, писатель (40—42 стр.).

б). Изображеніе въ Словѣ Игоря и Всеволода вызываетъ въ Шишковѣ такія чувства и соображенія: Съ какими огнемъ и краснорѣчіемъ сочинитель изображаетъ Игоря, приготовляющагося къ походу и ожидающаго брата своего Всеволода? Вся Россія кажется быть въ движеніи: кони ржутъ за Сулою и пр. Игорь ждетъ мѣла брата. Сіе толико многотрудное и важное ожиданіе Всеволода обращаетъ на него все мое вниманіе. Колико восхищаетъ меня сіе единое слово — Буй-туръ. Въ самомъ дѣлѣ разберемъ силу онаго. Буй значитъ дикій, необузданный; ярый-туръ значитъ воля. Сіи два понятія, соединенныя въ одномъ словѣ, не представляютъ ли намъ Всеволода исполненнымъ, имѣющимъ необыкновенный ростъ, широкія плечи, толстыя руки, огненные глаза, мужественный духъ. Еслибъ намѣсто — и рече ему Буй-туръ Всеволодъ — поставить — и рекъ ему герой Всеволодъ, то конечно бы въ семъ второмъ выраженіи сила перваго уменьшилась (48 стр.).

Въ примѣчаніи къ переводу (стр. 125) Шишковъ говоритъ: „разсудилось мнѣ преложить, или паче передѣлать оную (пѣснь) такимъ образомъ, чтобы, оставляя всѣ красоты подлинника безъ всякой, по-колику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста сократить или пропустить, прочія же, требующія распространенія, допол-

нить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умышленіями. Симиъ средствомъ пѣснь сія отъ начала до конца сдѣлается ясною.“ Сообразно съ симъ Шишковъ напр. краткое описаніе въ Словѣ первого сраженія: „съ зараніи въ нитокъ потопташа поганья плѣки Половецкія и рассушясь стрѣлами по полю помчаша красныя дѣвки половецкія“ распространяетъ въ переводѣ такъ: Но одинъ день рано поутру сражаются они съ Половцями, едва узрѣлися, ужь летятъ другъ на друга; брань мгновенно воскипѣла, кровь потекла съ мечей и многіе ратники пали прежде, нежели посходящаго солнца лучи въ пошеркающихъ очахъ ихъ возблистать успѣли. Уже нечестивые поля опрокинуты, разбиты, потоптаны. Храбрые Россіяне въ разныя стороны разсыпались, и какъ быстрыя стрѣлы, по полямъ летая, мчатъ оттолѣ красныхъ Половецкихъ дѣвъ (стр. 130—131). Или, не понимая напришѣръ выраженія: „и ходы на Святослала и проч. онъ во все пропустилъ это мѣсто въ переводѣ. Вообще переводъ его вышелъ не лучше перевода первыхъ издателей.

Въ 1807 г. напечатанъ былъ въ Харьковѣ стихотворный переводъ Палицына. Авторъ въ стилѣ ложно-классическихкихъ поэмъ перевелъ Слово шестистопными ямбами.

Въ 1809 г. вышло въ Москвѣ Разсужденіе о древней русской словесности (по свидѣтельству Востокова — это разсужденіе Граматина, опытъ о русск. стих. стр. 93 прим.). Въ этомъ разсужденіи нѣсколько страницъ посвящено и Слову о пол. Иг. Сначала авторъ опровергаетъ мнѣніе первыхъ издателей, что Боянъ былъ язычникъ, говорить, что онъ писалъ прозою и пользовался извѣстностію за свои изреченія или притчи. За симъ онъ трактуетъ о самомъ Словѣ, объ авторѣ его, какъ современникъ описываемаго событія, лицѣ свѣтскомъ. Мнѣніе автора—разсужденія объ языкѣ, если и не вѣрны, все-таки ближе стоятъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣнія многихъ послѣдующихъ толкователей. Онъ называетъ его древнимъ простонароднымъ

языкомъ, который трудно было понимать, чѣмъ языкъ Библіи, но за то онъ ближе къ современному намъ, отъ Библейскаго же онъ весьма отличенъ (стр. 9—10). Послѣ этого авторъ разсуждаетъ о стилѣ Слова: отрицаетъ мнѣніе, что бы это была правильная эпическая поэма, которую можно было-бы разбирать по правиламъ Аристотеля, Горация или Буало. говоритъ, что онъ не имѣетъ никакихъ чудесныхъ вымысловъ. Сочинитель ся былъ человѣкъ неученый, но ученикъ природы, съ которой картины онъ списывалъ вѣрно и удачно (стр. 10.) Онъ любилъ сравненія и аллегоріи; но онѣ вездѣ чрезвычайно кратки, правильны и матеріалы для нихъ всѣ отечественны (11 стр.). Встрѣчаются и одушевленія, но только предметовъ существенныхъ, а не отвлеченныхъ (Кіевъ, Черниговъ). Описанія пѣвца очень удачны, хоть и кратки, и могутъ быть сравнены съ Гомеровскими и Оссіановскими. (13 стр.). Вымыслы не многочисленны, но есть напр. сонъ Святослава (14 стр.).

Въ 1812 году Слово переведено было Язвизкимъ стихами и напечатано въ С.-Петербургѣ въ Чтеніяхъ въ бесѣдахъ любителей рус. слова (ч. IV): переводъ вышелъ не лучше предшествовавшихъ, а размѣръ стиховъ похожъ на размѣръ стиховъ Сѣрякова.

Въ этомъ же году погибла единственная рукопись Слова. Библіотска Мусина-Пушкина, въ которой она находилась вмѣстѣ съ другими историческими сокровищами, сгорѣла вся, вмѣстѣ съ домомъ его, бывшимъ на Разгуляѣ въ Москвѣ (Переп Карамзина съ Малиновскимъ стр. 3, прим. 2).

Въ 4-й ч. Трудовъ Общества любителей русской словесности при Имп. Моск. Унив. за 1812 г. напечатана была записка Калайдовича, въ которой онъ предложилъ для рѣшенія слѣдующій вопросъ: На какомъ языкѣ писана была пѣснь о полку Игоря, на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій (древняго язы-